

АВТОР — ЛАУРЕАТ ПРЕМИЙ «HUGO», «LOCUS»,
МЕМОРИАЛЬНОЙ ПРЕМИИ ДЖОНА КЭМБЕЛЛА

ГРЕГ ИГАН

ОТЧАЯНИЕ

*«Блестяще. Фантастическая книга, расширяющая
интеллектуальные горизонты читателя...
Наслаждайтесь. Такие тексты появляются редко»*
Starburst

Грег Иган
Отчаяние
Серия «Сны разума»
Серия «Субъективная космология», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8320816
Отчаяние / Грег Иган.: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085363-2

Аннотация

Недалекое будущее, 2055 год. Мир, в котором мертвецы могут давать показания, журналисты превращают себя в живые камеры, генетические разработки спасают миллионы от голода, но обрекают целые государства на рабское существование, а люди, бегущие от цивилизации, способны создать свой собственный остров – анархическую утопию под названием Безгосударство – таково место действия романа «Отчаяние».

После долгих съемок спекулятивно-чернушных документальных фильмов о науке для канала ЗРИнет репортер Эндрю Уорт чувствует себя полностью измотанным. Настолько измотанным, что добровольно отказывается от потенциальной сенсации – съемок фильма о новом загадочном психическом заболевании под названием Отчаяние. Вместо этого он берется за менее престижную работу – материал о гениальной женщине-физике Вайолет Мосале. Мосала получила Нобелевскую премию в 25 лет и вот-вот огласит свою версию теории всего, пытающейся свести воедино все прочие существующие научные теории. Уорт еще не знает, что за Мосалой ведет охоту некая таинственная и влиятельная секта и что, возможно, созданная ею теория способна уничтожить привычный миропорядок. Задание, за которое Уорт взялся для разрядки, внезапно перестает казаться таким уж легким...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	10
3	15
4	20
5	26
6	33
7	42
8	46
Часть вторая	50
9	50
10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Грег Иган

Отчаяние

Автор благодарит Кэролайн Окли, Дебору Бил, Энтони Читема, Питера Робинсона, Люси Блэкберн, Аннабель Эйджер и Клаудию Шаффер

Greg Egan
Distress

Автор – лауреат премий «Hugo», «Locus», Мемориальной премии Джона Кэмбелла

Перевод с английского:

Е. Доброхотова-Майкова, М. Звенигородская

В оформлении обложки использована иллюстрация *М. Акининой*

Издательство благодарит литературные агентства Curtis Brown и The Van Lear Agency за содействие в приобретении прав

© Greg Egan, 1995. Published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

© Е. Доброхотова-Майкова, М. Звенигородская, перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Неправда что карта свободы завершится с исчезновением последней ненавистной границы когда останется вычислить аттракторы гроз и объяснить аритмию засух исследовать молекулярные диалекты лесов и саванн сложные как тысячи людских наречий и понять глубочайшую историю наших страстей из времен до мифологических

Я объявляю что ни один синдикат не владеет патентом на числа или монополией на единицу и ноль ни одно государство не властно над аденином и гуанином ни одна империя не правит квантовыми волнами И всем должно хватить места на празднике понимания ибо истину нельзя купить и продать навязать силой от нее невозможно скрыться или сбежать

Из «Технолиберации» Мутебы Казади, 2019

Часть первая

1

– Все в порядке. Умер. Можете его спрашивать.

Биоэтик-асексуал – немногословное юное существо с белокурыми дредами, в майке, на которой между рекламными объявлениями вспыхивал девиз «НЕТ ТВ!», – подписал(а) формуляр разрешения в ноутпаде судмедэксперта и отступил(а) в угол. Врачи скорой помощи отодвинули с дороги реанимационное оборудование, судмедэксперт быстро шагнула вперед. Она держала наготове шприц с первой дозой нейроконсерванта, который нельзя вводить до биологической смерти. Смесь антагонистов глутаминовой кислоты, блокаторов кальциевых каналов и антиоксидантов, способная за несколько часов отравить большинство жизненно важных органов, практически сразу остановила наиболее разрушительные биохимические процессы в мозгу пострадавшего.

Помощник судмедэксперта мгновенно подкатил тележку с принадлежностями посмертного оживления. Лоток с одноразовыми хирургическими инструментами, электронное оборудование, артериальный насос, соединенный с тремя огромными стеклянными емкостями, и что-то вроде сетки для волос из серой сверхпроводящей проволоки.

Луковский, следователь из отдела убийств, стоял рядом со мной. Он сказал:

– Будь все экипированы как вы, Уорт, в таком бы не было нужды. Мы бы прокручивали сцену преступления с начала до конца. Как пленку из черного ящика, когда разобьется самолет.

Я отвечал, не сводя глаз с операционного стола. Наши голоса сотрутся легко, а вот запечатлеть, как судмедэксперт присоединяет трубку с искусственной кровью, хотелось без перерывов.

– Если бы у каждого был оптический нервный отвод, не стали бы убийцы вырезать память из тела жертв?

– Стали бы, иногда. Но ведь этому парню мозги не раскурочили, верно?

– Погодите, вот фильм увидят.

Помощник судмедэксперта брызнул на голову убитого депиляторным ферментом, умелым движением руки в резиновой перчатке снял коротко остриженные волосы и бросил в пластиковый мешок. Тут я понял, почему волосы не рассыпаются, как в парикмахерской, – они сошли вместе со слоем кожи. Помощник приклеил к голому розовому скальпу «сетку» – переплетение электродов и сквид-датчиков. Судмедэксперт тем временем убедилась, что кровь поступает в артерию, сделала надрез в трахее и вставила трубку небольшого насоса взамен неработающих легких. Не для дыхания – только чтобы облегчить речь. Можно записывать нервные импульсы гортани и синтезировать звуки чисто электронными методами, но, видимо, голос звучит естественнее, если убитый ощущает и слышит привычные колебания воздуха. Помощник наложил на глаза убитого марлевую повязку: в редких случаях к коже лица возвращается чувствительность, а поскольку сетчатку сознательно не оживляют, проще всего сказать, что временная слепота вызвана травмой глаз.

Я снова подумал, с чего начать репортаж. *В 1888 году полицейские врачи сфотографировали зрачки одной из жертв Джека-потрошителя в надежде, что светочувствительные пигменты человеческого глаза запечатлели облик убийцы...*

Нет. Слишком банально. И не по делу: оживлять – вовсе не значит извлекать информацию из недвижимого трупа. От чего же оттолкнуться? Орфей? Лазарь? «Обезьянья лапка»?

«Сердце-обличитель»? «Реаниматор»? ¹ Никто из мифотворцев и литераторов не предвосхитил истину. Лучше обойтись без бойких сравнений. Пусть покойник говорит сам за себя.

Тело на операционном столе вздрогнуло. Временный стимулятор – такой силы, что через пятнадцать – двадцать минут побочные электрохимические продукты убьют все клетки сердечной мышцы, – заставлял умершее сердце биться. Насыщенная кислородом искусственная кровь поступала в левое предсердие, туда, куда попадала бы настоящая кровь из легких, однократно проходила сквозь тело и вытекала через легочные артерии в слив. Ради пятнадцати минут нет смысла налаживать более трудоемкую циркуляцию. На полузатянувшиеся ножевые раны в животе и груди страшно было смотреть, алая влага сочилась из дренажных каналов на операционный стол, однако опасности это не представляло – в сто раз больше крови откачивалось каждую секунду сознательно. Никто не потрудился убрать хирургические личинки, и те продолжали работать, словно все идет своим чередом: жвалами сшивали и химически прижигали мелкие кровеносные сосуды, очищали и дезинфицировали раны, слепо тыкались, ища, где съесть омертвевшие ткани или кровавые сгустки.

Кровоснабжение мозга, безусловно важное, не могло, однако, повернуть вспять процесс разрушения. Собственно, оживить должны были миллиарды липосом – микроскопических капсул, заключенных в липидные мембраны и поступающих вместе с искусственной кровью. Один из протеинов мембраны открывает барьер между кровью и мозгом, позволяя липосомам проникать из мозговых капилляров в межневральное пространство, другие заставляют саму мембрану растворяться в клеточной оболочке первого подходящего нейрона на ее пути, вываливая туда целый биохимический комплекс, который тут же пробуждает клетку, расчищает молекулярные завалы, вызванные ишемическими нарушениями, предотвращает отрицательные последствия реоксигенации.

Другие липосомы предназначались для других клеток: мышечного волокна голосовых связок, челюстей, губ, языка; рецепторов внутреннего уха. Все они содержат химические вещества и ферменты сходного действия: проникнув в умирающую клетку, они заставляют ее собраться с силами для одного – последнего – рывка.

Оживление – не высшая ступень реанимации. Оживление допускается лишь в том случае, когда о спасении пациента речь уже не идет, когда исчерпаны все известные средства.

Судмедэксперт взглянула на монитор посреди тележки. По экрану бежали волны неустойчивых мозговых ритмов, дрожащие черточки показывали уровень откачиваемых из тела ядов и продуктов разложения. Луковский нетерпеливо шагнул вперед. Я за ним.

Помощник нажал кнопку на пульте. Убитый дернулся и отхаркнул кровь – частью еще свою, темную, загустевшую. Пики на экране выросли, потом вновь сгладились, стали более равномерными.

Луковский взял убитого за руку, стиснул ладонь. Это отдавало цинизмом, хотя, возможно, я неправ, и следователем двигало искреннее сострадание. Я взглянул на биоэтика. Сейчас надпись на майке гласила: «НАДЕЖНОСТЬ – ЭТО ТОВАР». Непонятно, рекламный лозунг или чье-то личное соображение.

Луковский спросил:

– Дэниел? Дэнни? Ты меня слышишь?

Убитый не шелохнулся, однако волны на экране заплясали. Дэниела Каволини, девятнадцатилетнего студента консерватории, нашли около одиннадцати ночи истекающим кровью, без сознания, на железнодорожной станции Таун-холл. При нем были часы, ноутпад, ботинки, так что заурядное ограбление исключалось. Я уже две недели торчал в отделе по расследованию убийств, дожидаясь подобного случая. Ордер на оживление выписывают в

---

¹ «Обезьянья лапка» – рассказ У. У. Джексона (1863–1943). «Сердце-обличитель» – рассказ Э. По. «Реаниматор» – фильм ужасов С. Гордона по рассказу Лавкрафта.

одном случае: если предполагается, что жертва сможет назвать убийцу, – слишком мала вероятность получить надежный словесный портрет, тем более фоторобот незнакомого человека. Луковский разбудил прокурора сразу после полуночи, как только получил заключение.

Кожа Каволини начала приобретать странный багровый оттенок – все больше клеток оживали и включались в кислородный обмен. Непривычно окрашенные транспортные молекулы искусственной крови куда эффективнее гемоглобина, но, как большинство применяемых при оживлении средств, крайне токсичны.

Помощник судмедэксперта нажал еще кнопки. Каволини вздрогнул и снова закашлялся. Здесь требовался тонкий расчет: легкая встряска восстанавливает главные последовательные ритмы мозга, однако слишком сильное внешнее вмешательство способно уничтожить остатки кратковременной памяти. Даже после биологической смерти в глубине мозга остаются живые нейроны и еще несколько минут хранят символические образы последних воспоминаний. Оживление временно воссоздает нейронную инфраструктуру, позволяющую эти отблески извлечь, но если те окончательно погасли – или затухают в попытке усилить – допрос лишается смысла.

Луковский ласково сказал:

– Все хорошо, Дэнни. Ты в больнице. Скоро поправишься. Только скажи, кто это был. Кто ударил тебя ножом?

Из горла Каволини вырвался короткий слабый хрип. У меня мурашки пошли по коже – и при этом часть моего сознания ликовала, отказываясь верить, что этот признак жизни обманчив.

Со второй попытки Каволини сумел заговорить. Искусственное дыхание, неподвластное его усилиям, порождало странную иллюзию, будто он ловит ртом воздух, – жалкое зрелище, хотя на самом деле кислорода ему хватало. Речь была настолько сбивчивой, что я не разбирал ни слова, однако приклеенные к горлу Каволини пьезоэлектрические датчики соединялись с компьютером. Я перевел взгляд на экран.

Почему я не вижу?

Луковский сказал:

– У тебя на глазах повязка. Несколько кровеносных сосудов лопнули, но это поправимо. Ты не ослепнешь. Лежи спокойно, расслабься. И скажи, что случилось.

Который час? Пожалуйста. Мне надо позвонить домой. Предупредить...

– Мы сообщили твоим родителям. Они выехали, будут с минуты на минуту.

Луковский не лгал – но, даже если родители приедут в следующие девяносто секунд, сюда их не пустят.

– Ты ждал поезда в сторону дома, верно? На четвертой платформе? Помнишь? Десять тридцать на Стратфилд. Но в поезд не сел. Что случилось?

Луковский перевел взгляд на график под текстовым окном. Десяток кривых шел вверх, отражая улучшение жизненных показателей. Пунктирная компьютерная экстраполяция достигала пика на следующей минуте, потом быстро ныряла вниз.

У него был нож.

Правая рука Каволини сжалась, неподвижные до сих пор лицевые мускулы напряглись, их свела боль.

Очень больно. Сделайте что-нибудь.

Биоэтик спокойно взглянул(а) на экран, проверил(а) какие-то цифры, но вмешиваться не стал(а). Любая анестезия заглушила бы нейронную деятельность, сделала допрос невозможным. Надо было или продолжать, или отказаться от всей затеи.

Луковский сказал мягко:

– Медсестра сейчас даст болеутоляющего. Держись, приятель, осталось недолго. Только скажи: кто тебя ударил?

Оба вспотели; у Луковского рука была по локоть в искусственной крови. Я подумал: «Если б ты нашел его на улице в луже крови, ты бы задал те же вопросы? И произносил бы ту же утешительную ложь?»

– Кто это был, Дэнни?

Мой брат.

– Твой брат ударил тебя ножом?

Нет. Я не помню, что случилось. Спросите потом. У меня в голове путается.

– Почему ты сказал, что это был твой брат? Он тебя ударил или не он?

Конечно, не он. Никому не говорите, что я так сказал. Я все объясню, если вы перестанете сбивать меня с толку. А теперь можно мне болеутоляющего? Пожалуйста.

Лицо его кривилось и застывало, кривилось и застывало, словно маска сменялась маской, отчего страдание казалось наигранным, отвлеченным. Он замотал головой, сперва слабо, потом все сильнее. Я решил, что у него начался припадок: оживляющие средства перестимулировали поврежденные нейронные связи.

Внезапно Каволини поднял правую руку и сорвал повязку.

Голова его тут же перестала дергаться; может быть, кожа стала сверхчувствительной и повязка доставляла нестерпимые муки. Юноша раза два моргнул, потом сощурился от яркого света. Зрачки сократились, он вполне осмысленно повел глазами. Слегка приподнял голову, взглянул на Луковского, посмотрел на свое облепленное приборами тело, увидел плоский блестящий кабель сердечного стимулятора, трубки с искусственной кровью, ножевые раны, копошащихся белых личинок. Никто не шелохнулся, никто не раскрыл рта, куда Каволини рассматривал иголки и электроды в своей груди, бьющую оттуда розовую струю, развороченные легкие, кислородную трубку. Экран был у него за спиной, однако все остальное можно было охватить одним взглядом. Через секунду Каволини понял и на глазах обмяк от мучительного прозрения.

Он открыл рот, снова закрыл. Выражение лица менялось молниеносно; сквозь маску боли проступило детское изумление, потом – почти радость от того, что загадка разрешилась так просто, возможно, даже восхищение тем необычным, что над ним проделали. Какое-то мгновение казалось: он оценил блестящий, подлый, кровавый розыгрыш.

Потом он сказал четко, в промежутках между навязанными механическими вдохами:

– По... мо... ему... это... вы... пло... хо... при... ду... ма... ли. Я... боль... ше... не... хо... чу... го... во... рить.

Он закрыл глаза и откинулся на операционный стол. Кривые на экране быстро поползли вниз.

Луковский обернулся к судмедэксперту. Он посерел, но руку Каволини так и не выпустил.

– Почему сработала сетчатка? Что ты напортачила? Идиотка... – Он поднял левую руку, замахнулся на судмедэксперта, но не ударил.

На майке биоэтика вспыхнуло: «ВЕЧНУЮ ЛЮБОВЬ ПОДАРИТ ВАМ СТИМУЛЯТОР, ВЫРАЩЕННЫЙ ИЗ ДНК ВАШЕГО ЛЮБИМОГО».

Судмедэксперт, не желая признавать свою вину, заорала:

– А вы чего тянули? Надо было снова и снова спрашивать про брата, пока уровень адреналина поднимался к красной черте!

Я подумал: «Интересно, кто определял нормальное содержание адреналина в крови человека, которого недавно зарезали, а в остальном он вполне спокоен?»

Кто-то у меня за спиной разразился нецензурной бранью. Я обернулся и увидел фельдшера, который привез Каволини в карете скорой помощи; я и не знал, что он еще здесь. Фельдшер глядел в пол, стиснув кулаки, и трясся от бешенства.

Луковский схватил меня за плечо, забрызгав искусственной кровью. Он говорил театральным шепотом, словно надеялся, что слова его не попадут в запись:

– Снимете следующего, ладно? Такого не случилось никогда – слышите, ни-ког-да, и если вы покажете единственный на миллион прокол...

Биоэтик встрял(а) примиряюще:

– Думаю, указания Тейлоровской комиссии по частичному запрету...

Помощник судмедэксперта взорвался:

– Тебя забыли спросить! Молчало бы уж, жалкое ты...

Где-то в электронном нутре оживляющих аппаратов завывла сирена. Помощник судмедэксперта склонился над пультом и замолотил по кнопкам, словно расходившийся ребенок по сломанной игрушке. Сирена смолкла.

В наступившей тишине я полуприкрыл глаза, вызвал **Очевидца** и отключил запись. Я видел достаточно.

Тут Дэниел Каволини очнулся и стал кричать.

Я посмотрел, как его накачивают морфием, и дождался, пока оживляющие лекарства его прикончат.

2

Было начало шестого, когда я спускался от станции Иствуд к дому. В бледном бесцветном небе медленно гасла Венера, однако улица выглядела в точности как днем. Только необъяснимо безлюдной. В вагоне я тоже ехал один. Время, когда остаешься последним человеком на Земле.

В сочной зелени по обеим сторонам железной дороги громко распевали птицы, их голоса доносились из парков, вкрапленных в окружающие предместья. Парки по большей части напоминают девственные леса, однако каждое деревце, каждый кустик созданы в биотехнологической лаборатории; засухо- и пожароустойчивые, они не сбрасывают на землю грязных, горючих листьев, сучков или коры. Мертвая растительная ткань всасывается и поглощается; я видел съемку с эффектом ускоренного движения (сам я такого не снимаю), на которой бурая пожухшая ветвь втягивалась в живой ствол. Большинство деревьев вырабатывает слабый электрический ток – исключительно химическим путем за счет солнечного света – и двадцать четыре часа в сутки качает запасенную энергию акционерам. Специальные корни отыскивают проложенные под парками сверхпроводниковые линии передач. Два с четвертью вольта никого не убьют, более высокое напряжение было бы опасным, однако передать на расстояние слабый ток может только провод с нулевым сопротивлением.

Часть фауны тоже подверглась улучшению: сороки не галдят даже весной, комары не сосут кровь, самые ядовитые змеи не способны укусить ребенка. Мелкие преимущества перед дикими собратьями, биохимическое родство с искусственной растительностью – и биоинженерные виды полностью вытеснили все прочие из городской микросистемы, однако сразу вымрут, случись им попасть в природные заказники, удаленные от человеческих обиталищ.

Я снимаю отдельный домик в самообеспечиваемом саду. В тупичке, плавно переходящем в парк, кроме нас живут всего три семьи. Снимаю девятый год, с тех пор как получил работу в ЗРИнет, но по-прежнему чувствую себя не в своей тарелке, словно забрался в чужой богатый дом. Иствуд расположен в восемнадцати километрах от центра Сиднея, и, хотя желающих поселиться здесь все меньше, цены на недвижимость остаются вздутыми; мне этот дом не выкупить и за сто лет. Посильная (еле-еле) квартплата – просто везение; таким хитрым образом владелец уходит от налогов. Того и гляди, взмахнет бабочка крылышками над мировыми финансовыми рынками, компьютерные сети поумерят свою щедрость, или мой хозяин переключится на другую благотворительность, и вылечу я километров на пятьдесят западнее, в родимые трущобы.

После такой ночи дом должен казаться убежищем, однако я почти минуту трусливо мялся на пороге, не вставлял ключ.

Джина уже встала, оделась и завтракала. Я не видел ее со вчерашнего утра – словно бы и не выходил.

Она спросила:

– Как съемки?

(Я послал ей сообщение из больницы – мол, повезло наконец.)

– Не хочу об этом говорить.

Я ушел в гостиную и упал в кресло. Что-то случилось с вестибулярным аппаратом – мне показалось, будто я проваливаюсь в сиденье. Я сфокусировал взгляд на рисунке ковра, и ощущение понемногу прошло.

– Что случилось, Эндрю? – Джина последовала за мной в гостиную, – Какой-то сбой? Придется переснимать?

– Сказано тебе, не хочу...

Я осекся, поднял глаза и заставил себя сосредоточиться. Она растерялась, но еще не сердилась. *Правило третье: говори ей все, даже самое неприятное, при первой возможности. Хочется тебе или нет. Иначе она сочтет, что ты замыкаешься в себе, и смертельно обидится.*

Я сказал: «Переснимать не придется. Все позади», – и коротко изложил случившееся. Джина сникла.

– А что-нибудь из его слов стоило этой процедуры? То, что он сказал насчет брата, – есть тут какой-нибудь смысл или он просто бредил?

– Пока неясно. Брат – тот еще фруктец, осужден условно за покушение на мать. Его сейчас допрашивают, но все еще может кончиться ничем. Если у потерпевшего пропала кратковременная память, он мог все сочинить, подставить на место убийцы первого подходящего знакомого. Он ведь отказался от своих слов – может, он не брата выгораживал, а просто осознал, что ничего не помнит.

Джина сказала:

– Даже если брат действительно виновен, ни один суд не признает уликой два слова, которые потерпевший тут же взял обратно. Если кого-то осуждают, то не вследствие оживления.

Мне трудно было спорить и пришлось напрячься, чтобы взглянуть шире.

– В данном случае да. Однако бывало, что оживление решало все. Слова жертвы не имели бы веса в суде, однако они указывали на человека, которого иначе бы не заподозрили. Следователям удавалось собрать улики лишь потому, что убитый направил их по верному пути.

Джина упорствовала.

– Может, так и было раз или два, но все равно, цель не оправдывает средства. Надо запретить всю процедуру, – Она помолчала, – Но ведь ты, конечно, не включишь эту пленку в фильм?

– Конечно, включу.

– Ты покажешь человека, умирающего на операционном столе, в ту минуту, когда он осознает, что вернувшее его к жизни его же и добьет?

Джина говорила спокойно; она скорее не верила, чем возмущалась.

Я спросил:

– А что мне показать? Пусть актер разыграет сцену, где все пройдет гладко?

– Конечно, нет. Но почему бы актеру не разыграть то, что случилось сегодня ночью?

– Зачем? Это уже случилось, я уже это снял. Чего ради реконструировать?

– Хотя бы ради его семьи.

Я подумал: «Возможно. Но легче ли будет им смотреть реконструкцию? В любом случае, никто не заставит их смотреть фильм».

Вслух я произнес:

– Рассуди здраво. Материал сильнейший, я не могу его выкинуть. И я вправе его использовать. И полиция, и врачи разрешили съемку. Когда родные подпишут бумагу...

– Ты хочешь сказать, когда адвокаты твоей сети дождут их, заставят подписать отречение «в интересах общества».

Возразить было нечего: именно так оно и произойдет. Я ответил:

– Ты сама говоришь, что оживление надо запретить. Пленка этому и послужит. Такая доза франкенштухи удовлетворила бы самого оголтелого луддита...

Джина обиделась – непонятно, искренне или притворно.

– Я доктор технических наук, и если всякая темнота будет обзывать меня...

– Никто тебя не обзывал. Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

– Если кто и луддит, так это ты. Весь твой проект отдает эдемистской пропагандой. «Мусорная ДНК»! А какой будет подзаголовок? «Биотехнологический кошмар»?

– Вроде того.

– Я не понимаю, почему бы тебе не включить хоть один положительный пример?

Я отвечал устало:

– Мы сто раз это обсуждали. Решаю не я. Сеть не купит материал, в котором отсутствует точка зрения. В данном случае оборотные стороны биотехнологии. Речь идет о выборе темы. Никому не нужна взвешенность. Она только смущает отдел маркетинга: поди разрекламируй фильм, который несет две взаимоисключающих мысли. По крайней мере он уравнивает идиотские восторги по поводу генной инженерии, а в конечном итоге как раз и покажет полную картину. Добавив то, что скрывают другие.

Джина стояла на своем.

– Старая песня. «Наши сенсации уравнивают их сенсации». Ничего они не уравнивают, только поляризуют мнения. Чем вас не устраивает спокойная, вдумчивая подача фактов, которая помогла бы запретить оживление и другие дикие зверства, но без всей этой навязшей в зубах нудятины насчет «вмешательства в природу»? Можно показать крайности, но в контексте. Ты помог бы людям разобраться в том, чего им требовать от правительства. А так они насмотрятся «Мусорной ДНК» и пойдут взрывать ближайшую биотехнологическую лабораторию.

Я свернулся в кресле и примостил голову на колени.

– Все, сдаюсь. Твоя правда. Я – дикий необразованный мракобес.

Она нахмурилась.

– Мракобес? Я этого не говорила. Ты порочный, ленивый и безответственный, но в неведение поклонники тебя еще записывать рано.

– Тронут твоей верой.

Она кинула в меня подушкой, думаю, нежно и ушла на кухню. Я закрыл лицо ладонями, и комната заходила ходуном.

Мне бы радоваться. Все позади. Оживление – последнее, чего не доставало «Мусорной ДНК». Не будет больше безумных миллиардеров, превращающих себя в самодостаточную ходячую экосистему. Не будет страховых фирм, изобретающих вживляемые датчики, которые следили бы за питанием, образом жизни, уровнем загрязнения среды, в которой живет клиент, – чтобы путем бесконечных вычислений установить вероятную причину и дату его смерти. Не будет «Добровольных аутистов», добивающихся права хирургически калечить себе мозги, чтобы достичь полноты состояния, не данного им природой...

Я прошел в кабинет и вытянул из компьютера кишку – световод. Задрал рубашку, выковырял из пупка грязь и ногтями вытащил телесного цвета затычку, обнажив короткую трубочку нержавеющей стали и полупрозрачный лазерный порт.

Джина крикнула из куши:

– Опять занимаешься противоестественной любовью с компьютером?

У меня не хватило сил ответить остроумно. Я соединил разъем, и монитор зажегся.

На экране появлялась вся перекачиваемая информация. Восемь часов съемки в минуту – сплошное мелькание, и все равно я отвел взгляд. Не хотелось видеть события сегодняшней ночи, даже в ускоренной перемотке.

Вошла Джина с тарелкой горячих тостов; я нажал кнопку, чтобы изображение исчезло. Она сказала:

– Все-таки не понимаю, как это: четыре тысячи терабайт оперативной памяти в животе – и ни одного видимого шрама.

Я взглянул на гнездо.

– А это что, по-твоему? Невидимое?

– Слишком маленькое. Схема на четыре тысячи терабайт имеет длину тридцать миллиметров. Я смотрела в каталоге изготовителя.

– Шерлок снова прав. Или я должен был сказать – Шейлок? Шрамы можно свести, ведь так?

– Да, но зачем уничтожать следы важнейшего обряда инициации?

– Только не надо антропологии.

– У меня есть альтернативная теория.

– Я ничего не подтверждаю и не опровергаю.

Джина скользнула глазами по черному экрану и остановилась на афише «Конфискатора»²: полицейский на мотоцикле возле помятого автомобиля. Она увидела, что я слежу за ее взглядом, и указала на подпись: «НЕ ГЛЯДИ В БАГАЖНИК!»

– В чем дело? Что в багажнике?

Я рассмеялся.

– Проняло-таки? Придется смотреть фильм?

– Ага.

Компьютер пискнул. Я отсоединился. Джина глядела на меня с любопытством, видимо, что-то такое было написано на моей физиономии.

– Это как в постели? Или как в сортире?

– Как на исповеди.

– В жизни не была на исповеди.

– Я тоже. Но в кино видел. Впрочем, шучу. Ни на что это не похоже.

Она взглянула на часы, поцеловала меня в щеку, запачкав хлебными крошками.

– Пора бежать. А ты поспи, дурачок. На тебя смотреть страшно.

Я сел и стал слушать, как Джина собирается. Каждое утро она полтора часа едет поездом до Центрального научно-исследовательского института воздушных турбин к западу от Блу-Маунтинс. Я обычно встаю вместе с ней, очень уж грустно просыпаться одному.

Я подумал: *Я ее люблю. Если сосредоточиться, если следовать правилам, у нас не будет причины расстаться. Я уже приближался к своему рекорду – восемнадцать месяцев, но это не повод для тревоги. Мы легко перевалим полторагодовой рубеж.*

Джина заглянула в комнату.

– И долго тебе теперь монтировать?

– Три недели ровно. Считая сегодняшний день.

Напоминание неприятно резануло слух.

– Сегодня не считается. Поспи.

Мы поцеловались. Она вышла. Я развернул стул к черному экрану.

Ничто не позади. Прежде чем расстаться с Дэниелом Каволини, мне предстоит сто раз увидеть его смерть.

Я поплелся в спальню, разделся, бросил одежду в чистку и включил машину. Полимерные ткани сперва окутались легким дымком – они отдавали влагу, затем грязь и засохший пот преобразовались в тонкую летучую пыль, которая удаляется электростатически. Я посмотрел, как бежит в приемник привычная голубоватая струйка (цвет не зависит от природы грязи, его определяет размер частиц), быстро принял душ и забрался в постель.

Будильник я поставил на два часа дня. Фармацевтический блок рядом с будильником спросил: «Приготовить мелатониновый курс, который к завтрашнему вечеру вернет тебя в норму?»

---

² «Конфискатор» (или «Эвакуатор») – культовый фантастический фильм А. Кокса (1984).

– Приготовь, – Я прижал большой палец к стеклянной трубке, крохотное перышко чуть царапнуло кожу, выдавило еле заметную капельку крови. Неинвазивные микроанализаторы вот уже два года как появились в продаже, но для меня они еще дороговаты.

– Дать снотворного?

– Угу.

Фармаблок тихо загудел, готовя лекарство в точности по моему теперешнему биохимическому состоянию и ровно столько, чтобы я проспал до двух. Встроенный синтезатор использует набор программируемых катализаторов, десять миллиардов электронно преобразуемых ферментов в полупроводниковой микросхеме. Процессор погружается в раствор исходных молекул и может синтезировать несколько миллиграммов любого из десяти тысяч лекарств. Во всяком случае любого лекарства, на которое у меня есть программа и оплачена лицензия.

Машина выдала маленькую, еще теплую таблетку. Я сунул ее в рот.

– «С апельсиновым вкусом после тяжелой ночи»! Молодец, не забыл!

Я лег на спину и стал ждать, когда таблетка подействует.

Я видел выражение его лица, но ведь мускулы сводила произвольная судорога. Я слышал его голос – но на искусственном выдохе. Мне не узнать, что он чувствовал на самом деле.

Не «Обезьянья лапка» и не «Сердце-обличитель».

Скорее уж «Заживо погребенные»³.

Однако я не вправе жалеть Дэниела Каволини. Я собираюсь продать его смерть за деньги.

Я не имею права переживать, ставить себя на его место.

Как сказал Луковский, со мной бы такого не случилось.

---

³ Рассказ Э. По.

3

Я как-то видел «Мовиолу» пятидесятих годов двадцатого века – в музее, за стеклом. Под витриной был установлен монитор, и на нем демонстрировался работающий аппарат. Тридцатипятимиллиметровая целлулоидная пленка мучительно ползла перед крохотным экранчиком, перематываясь с катушки на катушку. Катушки были насажены на вертикальные стержни и приводились в движение ремнем. Мотор гудел, шестеренки жужжали, обтюратор вращался, словно лопасти вертолета. Не монтажное устройство, а машинка для уничтожения бумаги.

Трогательное изобретение. *Мне очень жаль... но эпизод погиб. «Мовиола» его зажевала.* Разумеется, работали обычно с копией отснятой пленки (к тому же негативной, смотреть ее все равно было нельзя), но мысль, что малейшая неполадка превращает метры бесценного целлулоида в конфетти, крепко запала мне в голову – незаконная, несбыточная мечта.

Мой монтажный компьютер – купленный три года назад Эффайн Графике 2052 – ничего испортить не может. Каждый загруженный в него кадр превращается в две защищенные от записи копии, а также кодируется и автоматически пересылается в архивы Манделы, Стокгольма и Торонто. Каждый мой дальнейший шаг меняет лишь ссылки на неприкосновенный оригинал. Я могу произвольным образом вырезать куски из сырого метража (именно метража, и именно пленки – только дилетанты пользуются претенциозными неологизмами вроде «байтажа»), перефразировать, импровизировать, заменять. И ни один кадр не испортится безнадежно, не попадет на чужое место.

Впрочем, на самом деле я не завидую своим коллегам из эры аналоговых машин; я бы рехнулся, заставь меня работать на их неповоротливых агрегатах. В компьютерном монтаже самое медленное звено – человек, и я научился находить правильное решение с десятого – двенадцатого раза. Программа может ускорить сцену, исправить резкость, улучшить звук, убрать случайного прохожего, если надо – перенести все действие в другой интерьер. Технические задачи решаются сами собой, ничто не отвлекает от сути.

Итак, чтобы закончить «Мусорную ДНК», мне предстояло всего лишь превратить сто восемьдесят часов реального времени в пятьдесят минут осмысленного.

Я отснял четыре сюжета и уже знал, в каком порядке их монтировать: от серого к беспросветно черному. Нед Ландерс – ходячая биосфера. Страховые импланты «Охраны здоровья». «Добровольные аутисты» давят на общественное мнение. Оживление Дэниела Каволини. ЗРИнет требует крайностей, переклестов, франкенштухи. Хочет – получит.

Ландерс сделал состояние на компьютерном железе, не на биотехнологии, но, чтобы преобразовать себя, купил несколько научно-исследовательских корпораций, работающих на переднем крае молекулярной генетики. Он просил снять его в герметически запечатанном геодезическом куполе, в атмосфере сернистого газа, окислов азота и бензиловых соединений: чтобы я был в скафандре, а он – в плавках. Мы попробовали, однако окошко моего шлема все время запотевало снаружи, покрываясь маслянистой канцерогенной пленкой, и встречу пришлось перенести на окраину Портленда. Неожиданно вышло еще лучше: не ядовитый купол, а голубое небо над штатом, который быстро догоняет Калифорнию по окончательному запрету на выброс промышленных отходов. Полный сюр.

– Я могу совсем не дышать, когда не хочу, – вещал Ландерс, вдыхая явно свежайший, чистейший воздух. Я уговорил его дать интервью на зеленой лужайке перед скромным административным зданием «НЛ-групп». (На заднем плане дети гоняли мяч, но их я убрал одним нажатием клавиши.) Ландерсу под пятьдесят, но с виду можно дать двадцать четыре. Плечистый, белокурый, голубоглазый, с румянцем во всю щеку – преуспевающий канзасский